ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

1. ОТВЕТ «СВИСТУНУ»

〈...〉 Иной раз изложишь свою мысль, кажется уж ясно; а смотришь: тут же, перед вами же так ее перевернут, что сам не узнаешь и дивишься. Вот хоть бы и вы, милостивый государь (говорим это с горестью), вы, почтенный любитель отечественной словесности! Ну как бы, кажется, не понять вам наших слов о Добролюбове? А между тем вот не поняли же вы!.. 〈...〉

〈...〉 В самом деле: чем первый наш отзыв о Добролюбове противоречит в сущности второму? Все дело в том, что вы никак не можете себе представить, чтоб человек «глубоко убежденный, проникнутый святою, праведной мыслью, великий боец за правду», мог хоть когда-нибудь ошибиться и наврать вздору. Помилуйте, да это случается на каждом шагу, каждый день. Оглянитесь кругом. Вот, например, стоит перед вами человек, по житию чуть не праведник, убежденный в правде глубоко и свято, вы его уважаете, вы его, наконец, любите, и вдруг этот прекрасный господин, в одно прекрасное утро и единственно, чтоб достигнуть своей благороднейшей цели, начинает в ваших же глазах колотиться об стену головою. Что вы скажете тогда, милостивый государь? Откажете ли вы ему тогда в возвышенности духа и в том, что он проникнут святою и праведной мыслью? Очевидно, нет: он в жертву самого себя, свою голову приносит, так что все это может оставаться при нем — то есть и глубокое убеждение, и святость, и праведность. Откажете ли вы ему в том, что он великий боец за правду? Очевидно, нет. С этой-то целью он и стукается перед вами головой об стену, да как еще — в кровь! и все это за правду. Разве вы таких бойцов не видывали? В чем же вы найдете, наконец, ошибку этого господина, его изъян, абсурд?

Очевидно, в средствах, им употребляемых для достижения его цели. Он в средствах и только в средствах ошибается, не так взглянул на предмет, и в этом смысле вы, разумеется, найдете в поступке его столько *«путаницы и бессвязицы, сколько вам будет угодно»*. ⟨...⟩

⟨...⟩ Разве умные люди не могут ошибаться? Да гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей, и часто чем гениальнее они, тем и крупнее ошибаются. Вот рутина, так та реже ошибается. Вы не верите: разверните историю, оглянитесь кругом, и вы каждую минуту найдете преумного человека, который для благороднейшей цели стукается лбом об стену. Нужно только глаза иметь и увидите. ⟨...⟩

⟨...⟩ Что же касается до Добролюбова, то будь он разгений, он все-таки мог ошибаться, по крайней мере так же, как ошибались и те нами названные великие люди. А ведь Добролюбов далеко был не гений, а разве только что умный человек. Для своего времени он мог делать те же самые ошибки, как те для своего. Конечно, были умные люди, которые и тогда не ошибались, но, по нашему убеждению, Добролюбов не принадлежал к их числу...

Ясное дело, что довольно грубое сравнение наше о стуканье лбом не может быть отнесено к Добролюбову во всей его резкости. Но отчасти — непременно да. Предположите же теперь, что мы *действительно* и глубоко убеждены, что Добролюбов не понимал народа, видел в народе и в обществе по преимуществу одно только темное царство; грубые и наносные явления, так сказать, кору, принимал за сущность дела; даже иногда явления самые светлые и отрадные в нашем народе, грубо не поняв их, относил к мерзейшим; в силах народных усомнился и придавал значение по преимуществу одной только западной выкройке. Положим, что мы глубоко и свято убеждены во всем этом. Ну вот это-то и есть его стуканье об стену. Что ж из того? Разве такое убеждение разрушает в нас веру, что Добролюбов был в то же время благородный деятель, что он стремился неуклонно к правде, то есть к освобождению общества от темноты, от грязи, от рабства внутреннего и внешнего, страстно желал будущего счастья и освобождения людей, а следовательно, был благороднейший деятель в нашей литературе. Даже, может быть, самые ошибки его происходили иногда от излишней страстности его душевных порывов. Добролюбов мог даже, если б остался жив, во многом изменить свой взгляд на вещи, поправить свои ошибки, найти другую, *настоящую* дорогу к своей цели, только одной своей благородной

и праведной цели он не мог изменить никогда. Цели и средства — это разница, милостивый государь. Белинский был благороднейший из благороднейших деятелей русских, но раза три в жизни основным образом менял свои убеждения. Одной правде он не изменял никогда. Это чрезвычайно яркий пример, милостивый государь, зачем вы его не припомнили?

Мы боролись с Добролюбовым и убеждены, что хорошо делали. Некоторые из бездарных последователей его в настоящую минуту довели презренье к народу и неверие к силам его до такого абсурда, что разве только один безобразно громадный размер их нелепости, пошлости и бездарности делает их безвредным. Скоро сделает и смешными; это непременно, потому что это уже и теперь начинается. А между тем, благодаря святочтимой молодежью памяти Добролюбова, эти бездарные, единственно только тем, что прикрываются авторитетом Добролюбова, который бы их сам отверг, все-таки имеют некоторое и чрезвычайно вредное влияние на молодежь. Против этого надобно бороться, и мы будем бороться.

Прибавим наконец, чтоб кончить о Добролюбове, что мы всегда признавали в нем талант и, кроме того, во многом соглашались с ним, в том именно, в чем он не ошибался, и тут он был увлекателен и высокоталантлив, а следственно, если мы умели это заметить и оценить (и поверьте, получше многих других), то опять-таки имели право и хвалить его. А в похвале-то вы нас и упрекали. ⟨...⟩